

Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
E-mail: targilena@yandex.ru

СЕМАНТИКО-СИСТЕМНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСЕМЫ *SERVUS* 'РАБ' В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ)

В статье освещаются результаты наблюдения над содержанием и сложными концептуально значимыми лексико-семантическими связями лексемы *servus* в латинском языке. Привлечение лексикографических данных позволило выявить универсальные и специфические признаки в содержании данной лексической единицы, являющиеся дополнительным источником когнитивно-оценочного осмысления фрагмента античной языковой картины мира.

Ключевые слова: лексема, архилексема, семантический признак (сема), семантическое поле, структура, языковая картина мира.

При исследовании семантико-системного и когнитивного потенциала лексемы *servus* мы опирались на универсальный принцип структурной организации лексики, в которой слово как строевой элемент языковой системы является одновременно основной когнитивной единицей [Уфимцева, 1988. С. 118], а также на широкие параметрические возможности латинского словаря [Дворецкий, 1976], совмещающего в себе функции разных лексиконов (толкового, словообразовательного, синонимического и пр.).

Для относительно полного описания системно и когнитивно значимых признаков слова необходимо не только привлечение микроструктуры словаря, но и выход на его параметрический уровень, т. е. учет лексикографической презентации системных свойств слова. Не менее важно обращение к прагматическому компоненту в словарной статье, а также социокультурным и другим комментариям, сопутствующим толкованию лексического значения (ЛЗ).

Русские толковые и энциклопедические словари отражают современное представление о рабе. Прямое ЛЗ слова *раб* представляет собой сложную семную структуру. В ней обязательно присутствует социально и исторически значимый компонент. Ср.: «Раб. В рабовладельческом обществе: чело-

век, лишенный всех прав и средств производства и являющийся полной собственностью владельца, распоряжающегося его трудом и жизнью» [Ожегов, Шведова, 1995. С. 627]. В Словаре античности «раб – это человек, которым собственник мог распоряжаться как вещью, мог даже его убить» [Словарь античности, 1989. С. 474]. Таким образом, в структуре данного ЛЗ выделены родовая сема 'человек' и дифференциальные семы.

Обращение к латинско-русским словарям чрезвычайно важно для более точного и емкого раскрытия референтного потенциала ЛЗ лексемы и выявления всех ее семантических отношений, а также для возможности выхода на более глубокий уровень обобщения и детализации когнитивно значимых признаков лексемы *servus* как важного, ключевого компонента в античной языковой картине мира.

В связи с этим основной задачей статьи является определение семантической структуры слова и описание номинативного и содержательного пространства лексемы *servus* в четырех измерениях: парадигматическом, эпидигматическом, синтагматическом и лингвокультурологическом.

В латинском языке слово *servus* 'раб, невольник' выполняет полеобразующую

функцию и приобретает статус архилексемы, в ЛЗ которой проявляются категориально-ядерные семы. Они имеют интегративный характер и служат основой семантических отношений: синонимических, антонимических, гиперо-гипонимических и пр. По Филлмору, семантическое поле (СП) представляет собой «сеть» как вид структурной организации семантической группировки слов, в основе которой лежат несколько признаков, формирующих разные уровни отношений [1983. С. 45–49].

По данным латинско-русских словарей ядро семантико-полевой сети в латинском языке представляют лексемы *servus* ‘раб, невольник’ и *serva* ‘рабыня, невольница’, а также их дериваты: *servitus* ‘рабы, невольники’, *servitium* ‘рабы, невольники’.

Servus (serva) и его дериваты образуют семантические связи. К ним следует отнести синонимы: *famulus* ‘раб, слуга, прислужник’ и *famula* ‘рабыня, служанка, прислужница’, которые представлены в словарях без помет. Тем не менее исторические источники дают интересный комментарий к слову *famulus*: возникшее в эпоху царизма в Древнем Риме это слово номинировало раба (как и любого домочадца), находившегося в полном подчинении у отца семейства (*pater familias*). Это значит, что в эпоху своего зарождения рабство носило патриархальный характер [Машкин, 1956. С. 94]. Следовательно, *famulus* не является абсолютным синонимом *servus*, так как имеет имплицитную дифференциальную сему ‘домашний раб’ (ср. *familia* ‘дворня, челядь, рабы’).

Многочленный синонимический ряд представлен лексемой-доминантой *servitus (servitium, servitudo)* ‘рабство’: *famulatus (famulitium)* в значении ‘рабство, служение’, *captivitas* ‘рабство, пленение’, *jugum* ‘рабство, иго’, которые следует оценить как идеографические синонимы, в ЛЗ которых, кроме ядерной семы, есть семантические признаки, характеризующие рабство с точки зрения его источника (плен), оценки, характера служения.

На основе лексического наполнения ядерной зоны семантического поля можно указать на постоянные семантические признаки: раб – человек (*homo*), невольник, подчиненный (*dependens*), лишенный прав (*non civis*), свободы (*non liber*), слуга (*serviens*), трудящийся (*laborans*).

Каждый семантический признак образует лексико-семантическую парадигму, или микрополе, приобретая при этом когнитивную значимость и расширяя границы поля через новые знаки и вербальные образы. Прежде всего это относится к гиперо-гипонимическим отношениям как самому пространственному типу этой структурной организации.

Мы проанализировали шесть микрополей, лексические единицы которых объединяются следующими семантическими признаками:

1. ‘Содержание труда’ – *laborans, serviens*. Развитость рабства как общественного и экономического феномена Древнего Рима, разветвленность системы рабского труда нашли свое отражение в многоуровневой структуризации номинантов. Каждая сфера труда раба была представлена несколькими семантическими признаками с их значительной степенью детализации.

Такой признак имел особое значение в тех сферах деятельности, где применялся только рабский труд: в обслуживании дома, сфере городской жизни и сельском хозяйстве. Номинации сферы сельского хозяйства мы не анализируем, поскольку они уже были подробно проанализированы в литературе (см., например: [Кузищин, 1990. С. 182–190]).

Так, в латинском языке имелись многочисленные номинации рабов, обслуживающих дом и членов семьи: *adversitor* ‘адверситор, раб, обязанностью которого было встречать возвращавшегося домой господина’; *nomenclator* ‘номенклатор, раб, в обязанности которого входило знать и называть своему господину имена граждан города и всех рабов в доме, а также провозглашать названия подаваемых кушаний’; *structor* ‘устроитель пиршества, раб, накрывающий на стол’; *analecta* ‘собиратель крох, объедков, раб, убиравший остатки пира’; *capsarius* ‘раб, несший за детьми господина их школьные принадлежности’; *mediast(r)inus* ‘раб, исполнявший черную работу, слуга по дому’ и *silentarius* ‘силенциарий, раб, в обязанности которого входило обеспечить соблюдение всей домашней прислугой полной тишины’.

В этом микрополе ярко проявились гендерные различия. Были отдельные слова для обозначения рабынь: *ancilla* ‘служанка, прислужница, рабыня’; *cistellatrix* ‘рабыня-хра-

нительница ларчика»; *ornatrix* 'рабыня, занятая туалетом своей госпожи' и *vestiplica* 'служанка, следящая за платьем, горничная', а также *psecas* 'псекада, рабыня, кропившая благовониями волосы своей госпожи', т. е. парикмахерша; *pedisequa* 'служанка, следовавшая за своей госпожой', и *sandaligerula* 'служанка, носившая за своей госпожой, при выходе ее из дому, сандалии'.

В сфере городской жизни были особые названия для рабов, обслуживающих римлян: *alipilus* 'алипил, эпилятор, раб, на обязанности которого лежало удалять растительность на теле посетителей бань'; *alipta* 'алипт, раб, занимавшийся умягчиванием посетителей бань'; *progymnastes* 'прогимнаст, раб, несший обязанности гимнастического инструктора'; *cursor* 'раб-бегун'. Отдельную группу составляют названия гладиаторов с их многообразными функциями: само слово *gladiator*, его синонимы *ludius* и *arenarius*, а также гипонимы-номинанты гладиатора: *hoplomachus* 'гладиатор в полном вооружении'; *parma* 'гладиатор, вооруженный щитом'; *mirmillo* 'мирмиллон, гладиатор в галльском вооружении с изображением рыбки на острие шлема'; *Thraex* 'гладиатор во фракийском вооружении'; *andabata* 'андабат, гладиатор, сражавшийся в глухом шлеме, т. е. без глазных отверстий'. Особое название имели *retiarius* 'ретиарий, вооружение которого состояло из *fuscina* (трезубца) и *rete* (сети)', и его противник *secutor* 'преследователь, вооруженный щитом и мечом, гладиатор, специально обученный для борьбы с ретиарием'. Гладиатор, сражавшийся с колесницы, назывался *essedarius*. Гладиаторы, сражавшиеся в честь умершего на месте его сожжения, назывались *gladiatores bustuarii*. Специальные наименования имели: гладиатор, приемы которого заключались исключительно в ловкости и быстроте приемов – *provocator*, и терциарий, запасной гладиатор, становящийся на место выбывшего – *tertiarius*.

2. 'Источник рабства, невольничества, зависимости' – *proprium, non liber, dependens*. Источников античного рабства было несколько: разбой, кража свободных граждан, захват в плен во время войн, купля-продажа, добрая воля и раб от рождения. Например, *mancipium* 'раб, рабыня', это слово обозначало и любую собственность, полученную путем купли-продажи. По сви-

детельству историков, рабы в документах на собственность и в завещаниях могли обозначаться как «все остальное» или «и другие домашние принадлежности» [Валлон, 2005. С. 140]. Существовали названия и для людей, которые от рождения были рабами: *familiaris* и *verna* 'раб, рабыня, родившиеся и выросшие в доме хозяина'. Отдельное название было для человека, отданного в рабство за долги: *nexus* 'раб (ставший рабом за неуплату долга)'. Обращает на себя внимание отсутствие в латинском языке специального слова-знака для плененного во время войны раба, хотя «войны были одним из постоянных источников рабства» [Машкин, 1956. С. 123]. Тем не менее, этот семантический признак имплицитно выражен в гиперониме *servus* и актуализирован, во-первых, в словосочетании *servus bellis captivus* 'раб, плененный в войнах', и, во-вторых, в деривате *captivitas* 'рабство, пленение'. Интересно, что в древнегреческом языке такой знак был – это слово δμῶς 'пленник, раб'.

3. 'Время, продолжительность нахождения в рабстве'. Этот признак объединяет лексемы: *perenni-servus* 'вечный раб'; *novicius* 'новичок, новый раб'; *statu-liber, statulibera* 'раб или рабыня, которые по завещанию должны были получить вольную'. Рабы, получившие свободу, имели особое имя: *libertus (libertinus)* 'отпущенный на волю, вольноотпущенник'. Существительные *libertus* и *libertinus* находятся в зоне пересечения полей «рабство» и «свобода».

4. 'Возраст раба'. Номинации и по этому признаку представлены асимметрично: было несколько слов для обозначения молодого раба или рабыни: *puer* 'молодой слуга, раб'; *vernula* 'молоденький раб или рабыня', *servulus (servula)* 'молодой раб (рабыня)' и только одно для обозначения старого раба – *veterator*.

5. 'Внутренние и внешние качества, поведение и склонности рабов'. Несколько слов существовало для обозначения беглых рабов: *erifuga, fugitivus, drapeta*. В древнегреческом языке для обозначения беглого раба могло употребляться слово Θησειό-τριψ 'беглый раб, раб, скрывающийся в храме Тесея' (скрывающийся в храме беглый раб не мог быть выдан хозяину). Дурной, плохой раб назывался *serviculus* 'жалкий раб'. Что же касается положительной оценки, то она чаще отражается в семантике существительных женского рода, например:

favea ‘любимица, фаворитка, любимая слушанка’.

6. ‘Внешний вид раба’ (*habitus*). Среди номинаций, в которых актуализировались признаки-атрибуты рабов, следует назвать: *colli-crepida* ‘раб с железной цепью на шее, досл. с брнчащей шеей’, ср. в древнегреческом *στύματις* ‘клеяемый раб’. В эту микрогруппу можно отнести устойчивые сочетания, например: *cretatis (albis) pedibus advenire* ‘прийти как раб, досл. прийти с белыми ногами’ (во время процедуры продажи рабов рабы выводились на продажу голые и с выбеленными ногами); *sub corona vendere* ‘продать (пленных) в рабство, досл. под короной продать’; *sub corona venire* ‘быть проданным в рабство, досл. под короной идти’ (при продаже в рабство пленных на их голову надевался венок).

Отпущение на волю тоже имело свой овеществленный знак: *pileus* ‘войлочная круглая шапка’, или колпак-пилеус. Рабы могли надевать его только при даровании им воли. *Pileatus* – ‘носящий головной убор *pileus*’, отсюда выражения *pileum redimere* ‘получить свободу, досл. повязать пилеус’; *servos ad pileum vocare* ‘призывать рабов к восстанию, обещая им свободу, досл. призывать к пилеусу’. Изображение колпака на надгробии свидетельствует о погребении бывшего раба. Даже после смерти он не был равным свободному гражданину. В латинском языке особые номинации имели и могилы рабов и рабынь: *puticuli* и *puticulae*.

Словарь показывает высокий эпидигматический потенциал лексем *servus* и *famulus* и их синонимов, который проявляется в семантической деривации и в большом объеме словообразовательных гнезд. Так, к случаям расширения значений внутри семантической структуры слова следует отнести когнитивно-денотативные метафоры: *servus cupiditatum* – ‘раб страстей’, *verna* – ‘раб’ и ‘природный римлянин’; когнитивно-оценочной метафоры: *analecta* ‘собиратель крох, объедков, раб, убиравший остатки пира’ и ‘крохобор’, *gladiator* ‘цирковой боец’ и ‘головорез, душегуб’, *veterator* ‘старый раб’ и ‘пройдоха, хитрая бестия’, *familiaris* ‘раб’ и ‘приятель’ и др. Как правило, негативно-оценочная семантика преобладает над позитивной характеристикой. Нередки случаи формирования переносных метонимических значений: *gladiatores* ‘гладиаторы’ и ‘гладиаторские бои’ и др.

Наиболее ярко эпидигматические связи лексем представлены в лексико-словообразовательных гнездах. Так, у слов *servus* и *famulus* мы насчитали по 14 дериватов разных частей речи. Следует отметить, что ядерный семантический компонент ‘раб’ всегда присутствует в семной структуре производного слова. Нередко словарь репрезентирует в деривате новые «точки» содержательного пространства *servus* и *famulus*, указывающие на появление специфических когнитивно значимых признаков: ‘раболепие’ в *servire* и *servitium*, ‘отягощенность повинностями, сервитут’ в *servitus*, ‘рабская преданность’ в *famulabundus* и ‘покорность’ в *famulus, a, um*.

Синтагматические связи архилексемы *servus* и ее синонимов объективируются в устойчивых сочетаниях и паремиях. Многие устойчивые сочетания выполняют номинативную функцию, характеризуя те или иные стороны жизни раба, его социальное положение, предметный мир, отношение общества к рабу и рабству и т. д. Вербализацию получили такие понятия, как «раб по закону» – *jura famularia dare* ‘узаконить рабов’; «раб императора» – *servus Augusti nostri* ‘раб нашего государя’; «раб раба» – *velle (nolle) vicarius esse* ‘хотеть (не хотеть) быть рабом раба’; «раб, наделенный собственностью (землей)» – *servus casatus* ‘раб, посаженный на землю’ (такие рабы не вносились в инвентарь имений и не завещались); «войско из рабов» – *manus servilis*; «питьевая вода для рабов» – *aqua serva* и пр.

Некоторые устойчивые сочетания не содержат ключевого слова, однако их метафорические значения являются яркими характеристиками феномена «раб». Например: *instrumentum vocale* – ‘орудие, умеющее говорить, т. е. раб’ [Словарь античности, 1989. С. 474].

Особый интерес вызывает оценка рабов (рабства) античным обществом, эксплицированная в паремиях: *Potior visa est periculosa libertas quieto servitio* – Лучше свобода, исполненная опасности, чем спокойное рабство; *Miserrima servitus* – Самое жалкое рабство; *Quot servi totidem hostes* – Сколько рабов, столько врагов; и пр.

Таким образом, сочетаемостный потенциал *servus* и его дериватов расширяет их когнитивно-культурологическую зону, в которой актуализируются периферийные признаки семантического поля: римский раб

мог быть собственностью и собственником (раб раба), мог быть отпущен на волю, мог быть воином и т. д. Примеры показывают, что словарь как тезаурус и как гипертекст может манифестировать подвижные границы в содержательном пространстве лексем.

В результате анализа семантико-системных связей лексемы *servus* она предстает как объемное антропонимическое пространство, как сложная микромодель античной языковой картины мира, в которой лексема *servus* актуализирует свои ядерные признаки в семной и семантической структуре, участвуя в формировании семантических разрядов слов по предметным сферам: живой мир – люди – вещи. Сама лексема *servus* в античной языковой картине мира находится на пересечении данных сфер.

Лексикографическое описание СП «раб» репрезентировало его как сложную по содержанию сеть отношений: с одной стороны, это типизированные парадигмы, а с другой – специфические и многообразные в количественном отношении микрополя, формирующиеся на базе ядерных и периферийных сем и значительно расширяющие номинативные и содержательные границы СП «раб».

Смена общественно- и культурно-исторической ситуации влечет за собой изменение состава семантических признаков и их перераспределение в семной структуре значения лексемы.

Выявление периферийных семантических компонентов в пределах поля, «подведенных под один знак» (в нашем случае лексема *servus*), предопределяет «бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова, 1997. С. 88]. Бесспорно, способы лексикографического описания семантико-системного и когнитивного потенциала лексемы *servus* не могут раскрыть полностью когнитивную природу слова; для этого необходимы другие, и прежде всего текстовые приемы анализа. Тем не менее материалы словарных статей (развернутые

дефиниции, метаязыковой, культурный, исторический и другие комментарии) можно считать репрезентантами лингво-когнитивного анализа на его первом этапе, что дает возможность реконструировать фрагмент античной языковой картины мира с ее историко-ценностными ориентирами.

Список литературы

Валлон А. История рабства в античном мире: Моногр. Смоленск: Русич, 2005. 640 с., илл.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения: Моногр. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. 331 с.

Кузицин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система: Моногр. М.: Изд-во МГУ, 1990. 270 с.

Малинин А. М. Латинско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 764 с.

Машкин Н. А. История древнего мира. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. 611 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

Словарь античности: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. 704 с., илл.

Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Серебренников Б. А., Уфимцева А. А., Телия В. Н., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира: Коллект. моногр. / Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. С. 108–140.

Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. ст. 1983. Вып. 14. С. 23–61.

Материал поступил в редколлегию 27.12.2010

М. Р. Alekseeva, E. P. Targonskaya

SEMANTIC-SYSTEM AND COGNITIVE POTENTIAL OF A WORD IN LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION (ON THE MATERIAL OF THE LEXEME *SERVUS* 'SLAVE') IN LATIN LANGUAGE)

The paper suggests the results of the observation of the semantic field of «slave» in Latin and its complex structure with polysystemic relations between elements. The involvement of the lexicographic data has allowed us to reveal the universal and nationally specific features in the field content, which are and additional source for the cognitive evaluation of this fragment of the ancient linguistic worldview.

Keywords: lexeme, archilexeme, semantic feature (seme), semantic field, cognitive unit, structure, linguistic worldview.